

КНИГА ПЕРВАЯ
ОСТРОВ ЗЕЛАНДИЯ, ДАНИЯ
ГОД ОТ РОЖДЕСТВА ГОСПОДА НАШЕГО
ИИСУСА ХРИСТА 999

1

Вой пришедшей с запада бури походил на глас Божий, ужасный, заглушающий слова еретиков, что отрицали грядущий конец света. Осень выдалась теплее обычного, и Ньял, сын Хьялмара, оставивший в прошлом году китовый путь ради знамени Белого Христа, знал, что рассчитывать на это тепло и дальше не стоит. Оставшийся в Еллинге священник, золотушный негодяй, который обращал в истинную веру мечом чаще, чем крестом, предупреждал, что эта *оведер* – непогода – дело рук дьявола; что жар преисподней нагревает мир людей, и вскоре воины Господни вырвутся из Райских врат, чтобы привести землю в порядок.

Еще год назад, до крещения, Ньял посчитал бы это чушью и погнал бы священника в шею. Тогда в оглушительных раскатах грома и рассекающих ночное небо копьях молний ему виделась рука языческого Тора; за пронизывающей до костей стеной дождя и града слышался фальшивый смех великанши Ран. Он приносил жертвы и взывал к Одину с мольбами о защите. Но теперь с его глаз, словно с очей апостола Павла, спала пелена, и он видел прямо перед собой истину: мощь старых богов уга-

сала, близился конец света – не вероломный Рагнарек с лживыми обещаниями славы и вечной резни, но Судный день, когда Белый Христос вернется, дабы очистить землю от язычников, отступников, предателей Господа.

И Ньял, сын Хьялмара, считал себя счастливецом – спасение души было даровано ему так близко к концу времен...

Небеса рассекла молния. Ньял крепче сжал поводья. Его осел шарахался в стороны и то и дело пытался сорваться вперед, бешено вращая от страха глазами. Лишь сила могучих рук его хозяина – наследие времен, когда тот ходил в набеги с норвежским королем Олафом, сыном Триггва, – удерживала животное от того, чтобы сойти с тропы в подлесок, где, как доказательство скорой зимы, начинали буреть красно-оранжевые листья, трепетавшие на ветру. Дорога, гораздо больше похожая на коровью тропу, вводила вглубь страны, прочь от берега Тюленьего рифа. Целью их пути был Роскилле; прибыв туда, Эйдан, спутник Ньяла, поступит на службу к старому отцу Гуннару, а сам Ньял... чем заняться ему? Просто ждать конца времен?

По лицу Ньяла сквозь темную с проседью бороду текла вода. Он натянул поводья, пытаясь сдвинуть с места треклятого осла, но лишь прочертил сапогами борозды в грязи. Ноги скользили на мокром камне, он чуть не упал.

– Да чтоб тебя, жалкая ты скотина! Клянусь, если доберемся до Роскилле, освежую и сапоги из твоей выжранной мухами шкуры сошью! – набросился на животное Ньял. Его голос снесло порывом воющего ветра.

На мгновение он подумал было вернуться на берег, укрыться от бури в заросших мхом развалинах старой

каменной башни – напоминании о тех днях, когда Зеландией еще правили Скьельдунги. Но Тюлений риф уже был дальше, чем в двух часах ходьбы от них, а до Роскилле оставался день, может, два дня пути. Нет, нужно было подыскать убежище здесь и сейчас.

Дождь немного утих, вдали все еще слышались громовые раскаты. Ньял огляделся в поисках Эйдана. Непоседливый юный бритт, весь последний год помогавший направлять народ данов от тьмы к свету Христову, оказался прямо перед ним: он карабкался вверх по склону холма, цепляясь за камни и кусты. Ньял нахмурился.

– Эйдан!

Тот обернулся. Ураган сорвал с него капюшон, стало видно покрытую копной медных волос макушку и гладкое, без намека на бороду, лицо. Эйдан сгибался под яростью ветра; черный шерстяной плащ хлестал его по спине, словно едва проклюнувшиеся крылья. Эйдан указал на что-то чуть выше от него по склону.

Там, укрытая кустами боярышника и ежевики, зияла раскрытая пасть пещеры.

Ньял махнул Эйдану рукой. Хотя новая вера была крепка в нем, дан не утратил предрассудков своего языческого рода. Он с юных лет знал, что в таких пещерах могли скрываться ужасные существа, страшнее любого волка или медведя. Может, туда слетались на шабаш ведьмы, плести невод песен, навлекающих рок на добрый люд; может, в тених прятались тролли, вайты или гоблины, готовые схватить неосторожного путника. Идущее по земле слово Господне, хоть и сдерживало нечисть забытого мира, все же не могло уничтожить ее окончательно...

Ньял, чувствуя ползущий по спине ледяной ужас, крикнул Эйдану:

– Там опасно!

– Не опаснее, чем идти сквозь бурю! – отозвался тот высоким, тонким, как у евнуха, голосом. Не дожидаясь ответа, он вскарабкался на уступ, проскользнул через заросли боярышника и растворился во тьме пещеры.

Ньял разразился длинной, абсолютно не достойной христианина бранной тирадой. Он не решился оставлять осла на произвол судьбы. Один внезапный раскат грома – и они не увидят своих вещей в лучшем случае до приезда в Роскилле. Ньял потащил животное за собой по склону, извергая новые потоки ругательств; когда впереди встала стена боярышника, по лбу Ньяла, несмотря на дождь и пронизывающий до костей холод, уже текли капли пота. Проклятая животина остановилась у входа как вкопанная, и он уступил: как можно крепче привязал поводья осла к самой толстой ветке. Ньял взял из поклажи свой *скеггокс* – топорик на короткой дубовой рукояти, с которым не расставался со времен хождения по китовому пути, – и прокрался вперед сквозь ветки и ежевику, почти ожидая найти вместо Эйдана лишь кровавые ошметки.

Но боевой клич замер у него на губах, а готовность к славной смерти испарилась перед явным отсутствием противника. Тощий мальчишка стоял посреди пещеры, целый и невредимый. Он оглянулся на Ньяла, сверкая голубыми глазами, – словно предлагая вымокшему, взъерошенному дану его укорить. Хотя щеки Эйдана покраснели и обветрились, черты его лица оставались по-женски нежными и изящными. Если бы Ньял не знал его, то принял бы за младшего сына какого-нибудь ярла.

– Бог любит дураков, – пробормотал Ньял, тяжело дыша. – Не вижу другого объяснения тому, что ты еще жив.

– На Бога надейся, а сам не плошай, – усмехнулся Эйдан. – Теперь нам есть где укрыться от бури.

В Зеландии редко можно было наткнуться на пещеру, а уж эта, как понял Ньял, была редкостью сама по себе. Ее размер поражал. В ней бы легко поместился насыпанный в Еллинге могильный курган Горма Старого. Вход в пещеру казался лишь выступом на стене шахты; сверху лился тусклый свет, капли воды просачивались сквозь поросшую кустарником трещину в двадцати футах над их головами и падали вниз, в образовавшееся в углу пещеры озерцо примерно в тридцати футах под ними. На берегу озерца росли три куста боярышника. Их чахлые ветви все еще покрывали пестрые осенние листья. Четвертый куст, полностью засохший, стоял голый, словно карикатура на своих соседей. Ньял не мог сказать, насколько длинна пещера: ее дальний конец скрывался во тьме. Интересно, может быть, они попали в логово дракона, издохшего в схватке, но успевшего прикончить Бодвара Гаута, короля скьельдунгов? Даже вверив свою жизнь Христу, Ньял чувствовал, как его кровь – кровь бывшего язычника – вскипает в жилах при мысли о том, чтобы вонзить топор в чешую великого змея. То-то была бы славная смерть!

Эйдан осторожно подошел к краю уступа и всмотрелся в озеро.

– Почему здесь все не затопило?

– Готов спорить, что вода уходит сквозь трещины в камне, – Ньял потянул носом воздух. Сырой и затхлый, с едва уловимой животной вонью, напомнившей

ему о плохо дубленной кожаной куртке, которую надевали под кольчугу.

Справа от входа спускались ко дну пещеры каменные ступени, словно вырезанная гномами лестница. Ньял ступил на одну. Скользкие от сырости, они все равно казались надежными. Дан начал спускаться первым, свободно держа в руке топор. Другая ладонь скользила по стене пещеры. Под пальцами чувствовались царапины и борозды.

– Руны, – произнес он, и фразу подхватило эхо.

Эйдан всмотрелся.

– Я думаю, это на латыни.

– Что здесь сказано?

Юноша повертел головой и привстал на цыпочки, стараясь лучше разглядеть полустертую надпись.

– Ор... Оркадии? Может, Оркады?

– Оркнейские острова?

Эйдан пожал плечами.

– Сложно сказать. Может быть...

Наверху засверкали слепящие вспышки молний; раздавшийся в ответ громовой раскат, казалось, сотряс землю. К тому времени, как Ньял и Эйдан спустились вниз, сквозь трещину в потолке вновь полил дождь. Цепи молний рассеивали мрак пещеры; в их ярком свете Ньял разглядел другой символ, выцарапанный глубоко в стене: глаз с вертикальным, как у гигантского змея, зрачком. Могучий дан содрогнулся.

– Что это за разбойничье логово?

– А есть разница? – отозвался Эйдан. – Бог дал нам сухой уголок, чтобы укрыться от бури. Ты что, станешь воротить нос от даров Всевышнего?

Ньял угрюмо посмотрел на глаз; его беспокоила варварская жестокость, с которой начертали символ. Память что-то нашептывала ему – какое-то предостережение из детства. Ньял огляделся по сторонам, словно из мрака пещеры вот-вот должен был выступить дьявол с острым шипом на конце хвоста.

– Врата Сатаны – это не дар.

Эйдан фыркнул и покачал головой.

– Иди заруби тот сухой куст и добудь нам дров. А я проведу нашего бедного осла. Думаю, ты охотнее вознесешь хвалу за Божью щедрость, когда высушишь одежду, согреешься у костра и съешь горячий ужин.

Ньял поворчал, но уже очень скоро они разбили лагерь рядом со ступенями у стены. Однако никакие уговоры не заставили осла зайти в пещеру глубже, чем на относительно сухой пяточок. Сжалившись над дрожащим животным, Эйдан снял с его спины вещи: две плетеные тростниковые корзины, вынул их завернутое в тюленьи шкуры содержимое и оставил осла у входа стреноженным и привязанным, с мерой овса и ведром воды из озерца на дне пещеры.

С треском ожил огонь, даря их углу немного света и тепла. Пока Ньял развешивал над костром солонину на бечеве, Эйдан достал смену одежды и пошел переодеваться к дальнему краю пещеры, в темноту. Когда он вернулся и начал раскладывать у костра промокшие вещи, Ньял последовал его примеру, соблюдая царившее между ними негласное уважение к чужой нагоде. Он отошел, и Эйдан, выудив из мешка немного хлеба с сыром, пригоршню сушеных яблок и флягу разбавленной медовухи, разложил еду по мискам. От аромата жареной сочной свинины, шипящей на огне, рот напол-

нился слюной. Пошевелив ветки в костре, Эйдан почувствовал откуда-то из глубины пещеры дуновение ветра, похожее на дыхание огромного зверя. Когда Ньял вернулся, Эйдан все еще всматривался во тьму.

– Как ты думаешь, насколько глубоко под землю уходит эта пещера? – спросил он у дана.

Ньял, опустившийся на колени, чтобы разложить одежду рядом с вещами Эйдана, взглянул вглубь пещеры и пожал плечами.

– Кто его знает.

– Надо бы выяснить.

– Можешь даже не заикаться об этом, пока я не обсохну и не набью до отвала живот.

Ньял присел на нижнюю ступень лестницы; Эйдан подал ему миску, и оба склонили головы, пока Эйдан возносил молитву Господу, коверкая латынь своим полусаксонским-полудатским выговором. Когда он закончил, оба пробормотали «Аминь» и, кивнув, приступили к трапезе.

– Как считаешь, чьих это рук дело? – спросил Эйдан, дернув острым подбородком в сторону вырезанного глаза. – И что он означает?

– Может, великана, – ответил Ньял с полным ртом еды. – Мой дед говорил, что такие пещеры вырубил в земле сыны Имира, нечистые твари, пьющие кровь праведных христиан, – он умолк. Проглотил кусок свинины и пригвоздил Эйдана к месту ледяным взглядом. – Праведный ли ты христианин? Тебя спросят об этом, когда мы войдем в Роскилле. Спросят, как ты здесь оказался. О твоей родине, твоём народе – о том, почему ты покинул священный Гластонбери ради мелкой церквушки

в самой заднице мира. И, конечно, спросят, следуешь ли ты заповедям Господним. Что ты им на это ответишь?

Эйдан не дрогнул. Эту их старую игру он знал хорошо: она готовила его к жизни богослужителя, а он не во всем мог следовать ее законам.

– Я отвечу с готовностью – и буду про себя молить Господа простить мне мою ложь. Расскажу им историю Рыжего Ньяла, сына Хьялмара, который похитил меня при резне в Эксетере и обрек на незавидную жизнь раба. Расскажу, как сила Спасителя помогла ему отказаться от языческих богов и как мне, послушнику Гластонбери, удалось наставить этого беспощадного грабителя на путь истинного Бога. А потом скажу, что в преддверии Конца времен мы вместе отправились на восток, чтобы нести Евангелие твоим безбожным сородичам.

Ньял кивнул.

– Но что будет, если ты себя выдашь? Если влюбишься в одного из братьев-монахов и он тебя отвергнет? Что тогда?

– Я... Не знаю, – раздраженно выдохнул Эйдан, вдруг почувствовав усталость. Он поднялся на ноги и забрал у Ньяла пустую миску. – Меня такие вещи не заботили ни в Гластонбери, ни в Эксетере – там уж точно – и не заботят до сих пор. Знаю лишь, что не смогу жить, как прежде, и хочу все оставшееся нам время провести в служении Господу. Остальное не имеет значения.

– Молись, чтобы этого хватило, – кивнул Ньял.

Эйдан отнес миски к озерцу и ополоснул под струей лившей сверху дождевой воды. Он слышал глухое ворчание грома: где-то вдалеке сверкнула молния, и холмы осветила белая вспышка. Эйдан поднял глаза к расщелине: снаружи опускалась ночь, принося на землю хо-

лод. К рассвету он будет пронизывать насквозь. Эйдан повернулся и засеменял обратно к костру.

Долгим взглядом он всматривался в глубину пещеры – прятаясь в тених тайна умоляла ее раскрыть. *Может быть, разведая немного перед тем, как ложиться.* Вспышка молнии осветила пещеру...

И прямо на глазах у Эйдана во тьме возник чей-то силуэт – молния очертила его поразительно четко. Словно бы человек, дикий и разгневанный. И он шел вперед.

– Иисус, Мария и Иосиф! – Эйдан уронил миски и побежал к костру, спотыкаясь о собственный плащ и хватаясь за камни. – Господь всемогущий!

От его криков Ньял, успевший смежить глаза, сидя у нагретейшей от огня стены, вздрогнул. Он вскочил и поднял топор.

– Что стряслось?

Юноша указал во тьму в глубине пещеры. Когда к нему наконец вернулся дар речи, он смог лишь сдавленно прошептать:

– Мы... Мы не одни тут! Там кто-то есть! Клянусь! Там человек, я уверен...

Глаза Ньяла сузились.

– Встань за мной.

Он протянул руку к костру, вынул из него горящую ветку и поднял ее перед собой. Дерево потрескивало и сыпало искрами, кружившими в воздухе от самого легкого дуновения.

Ньял тоже заметил движение в темноте. Свет заменившей ему факел ветки выхватил отблеск железа, изгибы волчьей шкуры... и все пропало. Он напрягся, готовый в любое мгновение броситься на врага. Его топор вновь стал продолжением руки.

– Если я скажу бежать, ты побежишь. Понял? – про-
бормотал он Эйдану, и тот кивнул. Нял выпрямился
в полный рост и завопил в темноту: – Кто там? Если ты
вор, то мы лишь бедные сыны Христовы! У нас с собой
ничего нет! Покажись!

Эхо его крика затихло вдалеке. Нял напряженно
вслушивался, пытаясь хоть что-то уловить: звон метал-
ла о камень или громкое дыхание. Но не слышал ниче-
го – лишь монотонные громовые раскаты и капли до-
ждя. Он уже собрался позвать еще раз, но тут из тьмы
ответил голос – твердый, как камень. Человек говорил
на языке данов с незнакомом Нялу акцентом.

– У вас с собой есть еда, бедные сыны Христовы.

– Да. Ее мало даже нам двоим, но мы ей с тобой поде-
лимся.

– И что взамен?

– Нам ничего не нужно. То, что даем мы, дается рукой
Христовой. Мой брат наполнит для тебя миску. Эйдан?

Нял услышал фырканье и сразу же за ним – гру-
бый смех.

– *Брат*, говоришь? – он насмешливо хмыкнул и то-
ли рывкнул, то ли кашлянул. – *Пф!* Я подыграю тебе,
бедный сын Христа. В свое время я встречал многих дан-
нов. Данов Копья и данов Щита, данов Солнца и Коль-
ца, Западных данов и Южных... а вот данов *Христа* ви-
деть не приходилось, – он произнес это слово с явным
презрением. – Вы, даны *Христовы*, блюдете еще зако-
ны гостеприимства?

– Да, – ответил Нял.

– И разве я подкрался к вам, словно вор в ночи, дан
Христа?

Нял стиснул зубы.

– Нет.

– Не понимаю, – произнес Эйдан, озадаченно смотря на Ньяла.

– Так пойми, маленький тупица, – голос был похож на скрежет меча о точильный камень. – Эта пещера моя! Я отметил ее Оком! Вы залезли в нее, потревожили мой покой, напились моей воды и срубили мои деревья, а теперь смеете звать меня *вашим* гостем?

– Мы... мы не хотели тебя оскорбить. Мы не знали, что это твоя пещера, – сказал Эйдан.

Человек, все еще скрывающийся в темноте, снова рассмеялся. Но веселья в этом смехе не было.

– Да, кайся в невежестве и слепоте – вы же только этим и занимаетесь? Оставьте себе подаяние вашего Распятого Бога. Я готов обменять свое гостеприимство на вашу еду. Договоримся?

Ньял обдумал его предложение. В прежние времена он бы просто пустил в ход топор и забрал все нужное как военный трофей. Но времена эти прошли. Теперь он человек мира. Может быть, высшие силы испытывают его терпение и силу новой веры? Конечно, он сможет перетерпеть ночь рядом с угрюмым язычником в обмен на тепло, кров и Божью благодать. Ньял медленно опустил топор, разжал пальцы на рукояти и кивнул.

– Договоримся. Я – Ньял, сын Хьялмара. Это мой друг, Эйдан из Гластонбери. Мы идем в церковь Роскилле. Как нам тебя называть?

Человек приблизился к кругу света, шедшего от разведенного путниками костра. Шум грома стих, звуки дождя превратились в тихий шепот. Слабые вспышки молнии позволяли различить лишь искаженный жилистый силуэт с бугрившимися под кожей мышцами.

– У меня много имен, дан *Христа*. Глашатай смерти и Жизнекрушитель, Предвестник ночи, сын Волка и брат Змея. Я последний из племени Балегира. Мой народ звал меня Гримниром.

Эйдан вернулся к корзинам и вытащил хлеб и сыр. Еще у них осталась свинина и яблоко, сморщенное и сладкое. Накладывая еду, он наблюдал за Гримниром, гадая, что это за человек.

– И... из какого ты народа?

Но выступившее из тени существо нельзя было назвать человеком, в дрожащем свете огня это стало очевидно. Хотя его лицо походило на человеческое, черты его были крупнее, резче и в полутьме пещеры чем-то напоминали лисьи. В грубые черные волосы он вплет золотые бусины и диски резной кости, глубоко посаженные подведенные углем глаза сверкали, словно каленое железо. Он был широкоплеч, с выпуклым лбом и длинными руками, по темной коже змеились татуировки из пепла и вайды. Наряд дышал обветшалым великолепием: безрукавный хауберк – черная кожаная рубаша с кольчужными кольцами, грубый дубленый килт из кожи пегой лошади, плащ из волчьей шкуры и браслеты – из золота, серебра и кованого железа. Ладонь с черными ногтями покоилась на костяной рукояти сакса.

Его вид ошеломил и Эйдана, но Ньял – тот словно обезумел. Он вновь подхватил топор. Не было больше мирного слуги Господа: вместо него лицом к лицу с заклятым врагом стоял дан.

– Христос милосердный! Я узнал тебя, *скрелинг*! Изыди, дьявольское отродье!

– Нашему перемирию конец, дан *Христа?* – в голосе Гримнира сквозила холодная угроза; он встал удобнее и напрягся, словно хищный зверь перед броском.

– Никакого мира с врагами Господа!

– В задницу твоего Господа!

Но прежде чем успел завязаться бой, Эйдан, не заботясь о собственной безопасности, кинулся вперед и встал между Ньялом и Гримниром.

– Остановитесь, вы оба! Сказано в Писании: «Ненавидь грех, но люби грешника»!

Ньял замешкался.

– Это не просто грешник, Эйдан! Он даже не человек! Его род – род предателей, клятвопреступников, не чтущих покой мертвых!

– Что с того? Разве не говорили так когда-то и про твой народ? Помнишь их молитвы, брат? Когда-то они не сходили с губ всех богобоязненных христиан от Британии до Византии. Помнишь?

Горячее неодобрение в голосе Эйдана остудило пыл Ньяла.

– Избави нас, Господи, от варваров Севера, – Ньял, скрипнув зубами, опустил топор; может, ему и придется сдерживать себя до самого апокалипсиса, но он теперь христианин, а не какой-то охочий до крови дикарь. Те времена позади.

Когда он вновь заговорил, слова прозвучали спокойно и взвешенно.

– Спасибо, что напомнил. Ты мудр не по годам, брат, и настоящий христианин, к тому же. Прости меня, Гримнир. Пока что мы лишь оскорбляли твое гостеприимство своим поведением. Прошу, отужинай с нами.

Гримнир перевел взгляд суженных глаз с него на Эйдана и обратно. Его недоверие не исчезло, и все же он мучительно медленно убрал руку с рукояти своего сакса.

– Сегодня мы поедем, и вы проведете ночь в покое. Но как только взойдет солнце, я размозжу твой жалкий череп, дан *Христа*.

Ньял поднял миску с едой и подал ее Гримниру.

– Отлично, – ответил он. – Если это угодно Господу, то так тому и быть.

Гримнир со свирепой усмешкой принял миску из его рук и присел у огня рядом с гостями.

2

Мир за пределами пещеры окутала ночная тишина. С моря дул ветер, завывая, гоня перед собой пригоршни палых листьев и шурша ветвями боярышника. Облака на небе разошлись, открывая взгляду мерцание Божьих огней, которые теперь, в преддверии апокалипсиса, казались ближе и сияли ярче.

На холодных камнях пещеры перед вырезанным из старого весла драккара маленьким крестом молились коленопреклоненные Эйдан и Ньял. Говорил Эйдан: заученные наизусть слова сами слетали с его губ, несмотря на то, что мысли были прикованы к существу, с которым они делили пещеру. Гримнир сидел на корточках, и за прядями его волос, словно за вуалью, скрывался подозрительный взгляд красных глаз; он обнюхивал каждый кусок прежде, чем положить его в рот, будто ожидал найти в еде отраву. Эйдана мучила тысяча разных

вопросов об этом – как там Ньял его назвал, *скрелин-ге?* – но все они были забыты, когда дан сказал, что хочет помолиться перед сном. Когда Эйдан достал крест, Гримнир с громким звуком сплюнул, словно сам вид распятия причинял ему боль; он громко и грязно выругался, назвав их веру шутовством, и заявил, что не желает иметь с ней ничего общего. И Эйдан слышал его голос даже сейчас, пока тот справлял нужду под скрывавшими вход в пещеру боярышниками; если Эйдан не ошибался, Гримнир *пел*. Тянул грубым голосом фальшиво и немелодично:

Братья начнут биться друг с другом,
Родичи близкие в распрах погибнут;
Тягостно в мире, великий блуд,
Век мечей и секир, треснут щиты,
Век бурь и волков до гибели мира;
Щадить человек человека не станет.¹

Он услышал, как Ньял пробормотал «аминь», и поспешно ответил тем же. Дан поднялся; пока Эйдан бережно заворачивал резной крест и убирал его в мешок, Ньял ворошил костер, не давая ему погаснуть. Он потер глаза.

– Песня, которую он поет, – произнес Эйдан, укладываясь на корзинах. – Знаешь ее?

– Это языческая песня о Рагнареке, – ответил, нахмутив брови, Ньял. – Так мой народ зовет конец света.

Он вновь уселся на то же место у стены, положив топор рядом. Эйдан протянул ему одеяло и начал готовить

¹Перевод с древнеисландского А.Корсуна

себе постель. Дым от огня вился клубами и исчезал в трещине наверху. Песня Гримнира затихла.

Эйдан с тяжелым сердцем обдумывал конец света. Где-то далеко, в этой самой ночи, ходил по земле Антихрист, сеял семена разрушения, творил всевозможное зло. Разумом Эйдан понимал, что это правда – ведь так говорилось в Откровении Иоанна Богослова. И разве не сам благословенный аббат Эйсхэма Эльфрик назвал этот год Великим годом Страшного суда? Но почему же тогда Эйдан не чувствовал в сердце ликования, естественного при мысли о приближении Всевышнего? Христос должен был вновь явить себя уже к концу года, но дни все шли, а Эйдан не замечал вокруг ничего особенного. Не увеличилось число войн, и на долю людей не выпадало несчастий больше, чем они смогли бы вынести. На землях, не родивших зерно, царил голод – но в это же время на соседних, милостью Божьей, амбары и кладовые заполняли доверху. Эйдан не видел в этом никакого смысла. Он еще мог принять мысль об ошибке мудрого аббата Эйсхэма, пророчившего Великий год, но в *Откровении Иоанна* ошибок быть не могло. Правда ведь?

Эйдан очнулся от раздумий.

– Не знал, что язычники тоже верят в конец света.

– Верят, – подтвердил Ньял. – Но не в тот, в который верим мы. Они говорят, что Рагнарек станет временем славы и бесконечной войны, что боги Асгарда покинут его для битвы с йотунами, их заклятыми врагами. И эта битва уничтожит мир. Это древняя легенда.

– Знаешь, – произнес Эйдан, немного помедлив, – этот Гримнир напоминает мне твоих товарищей по кораблю. Он отрицает Бога так же яростно.

– У нас, данов, хотя бы есть шанс на искупление. В отличие от его народа.

Эйдан приподнял бровь.

– Любой человек может искупить свои грехи.

– Я уже сказал: эта тварь – не человек.

– Когда я его увидел, то тоже так решил. Он не похож на... – юноша попытался подобрать слова, – ни на кого из тех, что я встречал. Но у него две руки, две ноги и голова, как и у нас. Он дышит и ест, как мы, а еще плюется, смеется и ругается. Если бы мы судили по одной внешности, то, может быть, я бы с тобой и согласился. Но *чем же* он отличается от человека? Каким словом ты его назвал, «скрелинг»? Никогда не слышал.

– Еще бы. Оно так же старо, как Рагнарек. Но есть слово и в твоём языке – «оркний». Его ты слышал? Им называют чудовище невероятной злобы, огра, который бродит по болотам и топям, пожирая плоть мертвецов. Это одно и то же.

Эйдан посмотрел на дана, как на умалишенного.

– Да, это слово мне знакомо. Оркнеи были врагами Господа, сыновьями Каина, долго враждовавшими с Всевышним. Гримнир не может быть одним из них! Господь изгнал их. Ну правда, Няя! Что это за шутка? Не может он быть тем, кем ты его считаешь!

– Это не шутка, – ответил Няя. – Говоришь, Господь изгнал *оркнеев* за их борьбу? То же произошло и со *скрелингами*. Мой дед много раз говорил об этих волках Севера, детях Локи, восставших против Одина и свергнутых им в Мидгард, где они теперь изводят людской род.

– Изгнанные Богом?

Няя кивнул.

– То есть, монахам Роскилле мы скажем, что пока добирались, провели ночь в пещере с мифическим существом из легенд? *С монстром?*

Дан улыбнулся, но Эйдан знал, что не от веселья – так улыбаются взрослые, потакая капризу ребенка.

– Поживи с мое, и поймешь, что за самыми нелепыми легендами кроются песчинки правды, которые человеческий разум способен превратить в сверкающий жемчуг. Когда мы оказались в этой пещере, я поначалу решил, что она может быть логовом дракона, убитого древним Бодваром Гаутом, королем скьельдунгов. Не сомневаюсь, что монахи Роскилле посмеялись бы надо мной, скажи я им это: уверен, они считают, что верить в драконов могут лишь дети, скальды или глупцы. Но я не пустоголовый поэт. Я видел череп великого змея – на Борнхольме; он крепче камня и полон острых, как кинжалы, клыков – значит, когда-то и драконы жили на свете. И хоть до этого дня мне не доводилось встречать *скрелингов*, но я находил их черепа и слышал истории своего народа. Я знаю, о чем говорю: этот – из их народа.

Род Гримнира был нашим проклятием несколько сотен лет. Они нападали на наши деревни, атаковали по ночам, когда мы спали; они убивали мужчин и детей, похищали наших женщин и добро. Старый конунг по имени Хротгар сплотил данов на битву, и они, сражаясь все как один, все-таки одолели *скрелингов*, хоть это и стоило Хротгару жизни. По правде сказать, их уже много лет никто не видел. Мой дед считал, что они покинули эти земли.

Голос Гримнира застал их обоих врасплох. Тот подкрался так тихо, что ни один не заметил, как он притаился неподалеку, слушая их разговор.

– Хротгар? Этот старый боров получил по заслугам, – Гримнир выпрямился и сошел вниз. Он зашипел и остановил разъяренный взгляд на Ньяле. – А ты... Ты треплешься о том, чего не понимаешь, дан Христа. *Каунар* ведут свой род не от Злокозненного. Наш предок Имир, в наших венах течет черная кровь Ангрбоды.

Ньял ему не ответил, Эйдан перевел взгляд с одного на другого и вскинул бровь.

– Прости мне мой вопрос, но кто такие *каунар*? – спросил он мгновение спустя.

– Для тебя я *оркней*. Для данов – *скрелинг*. Проклятые ирландцы зовут меня *фомор*, – ответил Гримнир и стукнул себя кулаком в грудь. – Но я *каун*! Теперь понимаешь?

От ярости в его голосе по телу Эйдана пробежала дрожь. Он кивнул.

– И... м-много вас осталось?

– *Nár*, я последний. – Гримнир подхватил свой потрепанный волчий плащ, накинул его на плечи и сел за пределами круга света спиной к озеру. Его глаза тлели словно уголья. – Я проводил песню смерти старого Гифра, брата моей матери, еще во времена ублюдка Карла Великого. С тех пор не встречал никого из своих. Когда уйду и я... – он смолк.

– Но... – Эйдан прочистил горло. – Но Карл Великий правил франками лет двести тому назад. Я снова прошу меня простить, но сколько же тебе тогда лет?

Гримнир пожал плечами.

– А сколько тебе?

Эйдан склонил голову, залившись краской.

– Я... Не знаю точно. Монахи Гластонбери говорят, меня оставили на пороге в снежный день Йоля. Я точ-

но живу на свете больше двадцати лет. Может быть, и дольше.

– Подкидыш, значит? – Гримнир перевел мрачный взгляд на Ньяла. – А ты, дан *Христа*?

– Мне едва ли больше пятидесяти.

– Сопляки, оба, – ноздри Гримнира раздулись. – Свой первый вздох я сделал на Оркхауге, в Скандинавских горах, и было это в последние дни Мира Фроди, – его губы изогнулись в свирепой усмешке, обнажив острые зубы. – Мое рождение стало знамением распрей и войн!

– Невозможно! – воскликнул Эйдан. – Наш хозяин принимает нас за дураков, брат. Мир Фроди продолжался, лишь пока Христос-Спаситель ходил по земле. Это значило бы, что нашему другу не меньше тысячи лет! – Эйдан думал, что могучий дан станет спорить, может, насмеяться. Но Ньял промолчал. По его бородатому лицу не скользнуло и тени сомнения. – Ты ему веришь?

Гримнир подался вперед, в его глазах зажегся опасный огонек.

– Ты назвал меня лжецом?

– Лжецом? – быстро повторил Эйдан и вскинул руки, стараясь смирить гнев Гримнира. – Нет. Этого я сказать не хотел. Просто... чтобы поверить, что тебе тысяча лет, мне придется признать, что ты не такой, как другие люди, и ведешь свой род не от благословенного Адама. Что ты совершенно на нас не похож. Только Христос бессмертен.

– *Люди*, говоришь? – усмехнулся Гримнир. И расслабился, словно разжатая пружина. – Верь, чему хочешь, маленький подкидыш. Мне все равно. Есть у вас еще та кошачья моча, которую вы зовете медовухой?

Эйдан протянул ему почти пустую флягу, Гримнир осушил ее полностью. Ньял прислонился к стене и при-

крыл глаза, продолжая крепко сжимать топор – пусть этой ночью их охраняли законы гостеприимства, но он хотел чувствовать себя так же спокойно, как под крышей родного дома. Эйдан понизил голос.

– Мы идем в Роскилле и там проведем отпущенное нам до конца света время. Будем нести слово Господа и Спасителя нашего, Иисуса Христа, заблудшим душам, которые до сих пор молятся языческим богам. Это твой дом? – Эйдан кивком указал на пещеру.

Гримнир смотрел на огонь, словно читая будущее в его языках.

– На эту зиму. Я иду на юг от Сконе, ищу старого врага – слизняка, задолжавшего мне вергельд.

Его слова достигли ушей почти уже заснувшего Ньяла. Он открыл один глаз.

– И сказал Господь: «Мне отмщение, и аз воздам».

Волчьё лицо Гримнира превратилось в гневную маску. Он ощерился и презрительно прорычал:

– Пусть ваш жалкий божок даже не пытается тянуть руки к чужой добыче. Особенно к этой. Мерзкий выродок зовет себя Бьярки. Бьярки Полудан! Чтоб ему Змей кишки в узел завязал! Прячется от меня – но я его найду. А когда найду... *Nár!* Грязный клятвопреступник заплатит.

– Бьярки Полудан, да?

Гримнир поморгал.

– Ты о нем слышал?

Ньял уселся удобнее.

– Больше скажу – я с ним знаком. Тот еще подонок, и слишком хитрый к тому же. Прежде чем вверить жизнь Богу, я ходил по китовому пути с сыном Олафа Трюггва. И с Бьярки.

Ньял рассказал Гримниру о набегах, в которых ему довелось участвовать под предводительством Олафа – того самого, который правил теперь Норвегией. Многие годы Ньял Рыжий резал людей, грабил и торговал в землях от Фризии до Гебридских островов и побережья английского Уэссекса, где предал богатый Вэрхэм огню, а его повелителя принца Эотреда – мечу. Эйдан слышал, что этот Бьярки сражался плечом к плечу с Ньялом и покинул викингов лишь на Корнуольских островах Силли.

– Там-то Олаф отринул старую веру и принял христианство, – сказал Ньял. – А Бьярки считал себя нашим *годи*, жрецом, и Олафу он этого не простил. Они давали клятву Одину. Бьярки считал, что Олаф нарушил ее, когда присягнул Вседержителю. Мы все пытались их помирить – но от резких слов недалеко до резких ударов. Однажды в предрассветный час Бьярки напал на Олафа и тяжело его ранил. Мы не успели его остановить, и он каким-то чудом сбежал, прихватив еще несколько человек. Было это... – дан быстро посчитал на пальцах, – четыре года или, может быть, пять лет назад. С тех пор его на Севере не видели; король Олаф затаил обиду, – Ньял зевнул. – В прошлом году, после резни в Эксестере, я оставил китовый путь и тоже принял христианство. Насколько я знаю, Бьярки до сих пор бороздит воды у английских берегов где-то между севером Корнуолла и устьем Темзы.

– Грабит, да? – Гримнир сплюнул в костер. – Я его найду.

Взгляд его красных глаз впился в Эйдана.

– Ты из Англии. Ты лучше меня знаешь их обычаи и язык. Ты пойдешь со мной.

